

РОМАН БЕРДОВ

На перепутье двух веков

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Роман Бердов

**На перепутье двух веков.
Сборник стихотворений**

«Издательские решения»

Бердов Р. В.

На перепутье двух веков. Сборник стихотворений /
Р. В. Бердов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854411-8

В суете обычной повседневной жизни мы порой даже не замечаем, в какое интересное время живём. Моё детство прошло в Советском Союзе под яркими лозунгами ленинского комсомола. Моя юность пришлась на лихие девяностые: первые глотки «свободы», перестройка и rock'n'roll. Моя зрелость выпала на наши дни. В данный сборник включены произведения, которые, как мне кажется, наиболее полно описывают выше обозначенный промежуток времени. Желаю вам приятных впечатлений от книги, много ярких эмоций.

ISBN 978-5-44-854411-8

© Бердов Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Стихи в хронологической последовательности	6
Королевский шут	7
Писатель	8
За ВДВ	9
Ночь кровавого суда	10
Баллада о войне	11
Русская доля	13
Знамение	15
Град белокаменный	16
Беспризорник	18
Горит огонь	20
Ожидание	21
Жеребёнок	22
Перелётные птицы	24
Палач и кандалный	26
Дорожная	28
Скорый поезд	29
Коммунальная квартира	31
Кони понесли	34
Странная сказка	36
Баллада о совести	37
О подводниках	38
До свидания, мама, прости...	39
«Под нож, на стол ...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

На перепутье двух веков Сборник стихотворений

Роман Владимирович Бердов

Иллюстратор Виктор Румянцев

© Роман Владимирович Бердов, 2019

© Виктор Румянцев, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-4411-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи в хронологической последовательности

*Мы, во имя Господа,
Мира и любви,
Друг от друга во поле
Стены возвели.*

Королевский шут

В одном из замков короля
Жил королевский шут.
Душою мил, лицом красив
Тот весельчак и плут.
И он умел изобразить
Любого во дворце.
Король за то его любил
И часто на весёлый пир
Звал юношу к себе.

Просил, смеясь, шута король:
«Изобразить скорей изволь
Ты генерала моего».
И шут изображал его.
Изображал любого он
И был при этом так смешон,
Что воевода, наш герой,
До слёз смеялся сам не свой
Над шутками его.

Сказал, подвыпивши, король:
«Изобразить меня изволь.
Скажи, мой друг, каков же я?
Прославь же имя короля!»
И шут его изображал.
Он так умело передал
Походку, жесты, голос, тон,
Так говорил похоже он,
Что каждый хохотал.

Потом на каторжных работах
Не мог понять шут одного,
Чем оскорбил в тот дивный вечер
Он господина своего?
Заклучена мораль здесь в том,
Не стоит нам шутить с огнём,
Ведь недостатков господа
В себе не видят никогда —
И шуток не поймут.

1995г.

Писатель

Ночь наступает – вновь отступает день.
Ночь наступает – вновь удлиняется тень.
Слились воедино понятия «добро» и «зло».
Старый писатель взялся опять за перо,
Уединившись на кухне в ночной тишине.
В свете лампы – лишь тени на белой стене.
Выключив плавным движеньем под чайником газ,
Старый писатель писать начинает рассказ.

Плавным движеньем руки, ровным взмахом пера
Вновь он докажет нам непобедимость добра.
И одинокие люди встречаются вновь,
Вновь побеждает невзгоды святая любовь.
Вновь мы узнаем: пророка судьба не легка
И у дающего не оскудеет рука.
Вновь он поведает нам ровным взмахом пера
О вечной борьбе в этом мире зла и добра.

Вот и закончен рассказ и писатель устал,
Выронив на пол перо, на столе задремал.
Вот и закончилась вновь плодотворная ночь,
С первыми солнца лучами отправилась прочь.
Новый рассказ о любви, о добре и о зле
Души согреет кому-то на грешной земле.
Мудрый писатель за письменным старым столом
Щедро делился любовью с людьми и добром.

1995 – 1996г.

За ВДВ

Поднялся в небо самолёт,
Но был недолгим наш полёт.
Лишь самолёт набрал большую высоту,
И с парашютом на плечах,
И с криком «мама» на устах
Шагнул я в бездну, в голубую пустоту.

Крик оборвался на устах.
В душе моей восторг и страх:
Парим, как птицы, в облаках, раскинув крылья.
Как на ладони вся страна,
Кругом золотые купола.
Как ты прекрасна, златоглавая Россия!

И вновь в небесной синеве
Парим в звенящей тишине,
Через мгновение купол гасим на земле.
Когда получим дембель свой,
Когда вернёмся мы домой,
Мы стоя пьём за тех, кто служит в ВДВ.

1995 – 1996гг.

Ночь кровавого суда

В ту ночь кровавого суда,
В ту ночь кровавого разврата
Сжигали правду на костре,
Кричали: «Ведьма виновата!
Виновна в том, что мы бедны,
А ложь нам столько обещает.
Пусть правит всем царица Ложь,
Делами всеми заправляет!»

И ложь уселась на трон.
Красив и мил её был лик.
И правда сквозь протяжный стон
Вдруг издала истошный крик.
Вскричала: «Люди! Вы – слепцы!
Не будет счастья в государстве,
Которым управляет ложь,
Где б всё держалось на коварстве!»

Но одуревшая толпа
Кричала и бросала камни —
Ложь диким смехом залилась.
И вдруг в слезах взмолилась правда:
«Кто разум сохранил и честь!
Ты, коль умён, меня поймёшь,
Что лучше горькая, но – правда,
Чем даже сладкая, но – ложь!»

Пылает пламя до небес,
И правда, умирая, стонет,
Что человечество теперь
От рук своих в крови потонет.
А после – войны, смуты, грязь!
Нет правды, ложь всем заправляет.
И, может быть, на новую войну
Она народ благословляет.

1995 или 1996 г

Баллада о войне

Кружится в космосе цветущая планета,
Омыта реками, озёрами, морями,
Лучами солнца знойного согрета,
Населена живыми существами.
Казалось, что ж: живи да не тужи.
Да, может, мы когда-то так и жили,
Но вскоре похватались за ножи
И слепо на тропу войны вступили.

Куда вела жестокая тропа? Не знал никто,
Но каждый свято верил,
Что надо отобрать у слабых то,
Что нам Всевышний поровну отмерил.
И окропили кровушкой поля,
И слабый стон о помощи раздался.
И – кто висит на острие копья,
А кто-то вволю славой наслаждался.

Но только был недолгим их успех,
Ведь находились те, кто был покруче.
И слышен над планетой плач и смех,
И ходят над планетой злые тучи.
Когда стихают битвы и сраженья,
Мечтаем мы о мире и любви,
Но терпим вновь обиды, униженья,
И брат на брата вновь войной пошли.

Громи! Круши! Ломай, покуда в силе!
Спеши поспорить со своей судьбой,
Покуда самого не подкосили.
Покуда ещё в разуме и в силе,
Спеши убить, пока ещё живой!
Вот так они и жили, и страдали.
Так проходили годы и века.
И что ни день – то в новый бой вступали,
Оружие себе изобретали,
Чтоб уничтожить мнимого врага.

А в небесах рыдает Бог устало:
Как больно ему это созерцать
И ждать, увы, логичного финала...
Уже недолго остаётся ждать.
И тщетные попытки образумить
Несчастный озверевший род людской
Все оборачивались только лишь тщетой.

Погрязли люди в злобе и безумье.

1995—1996гг.

Русская доля

Выйду в поле на заре:
Храм Господень на горе.
Молча Богу помолюсь,
До земли я поклонюсь.
Ввысь уходят купола,
И звонят колокола.

Русь Святая – боль моя,
Белоснежные поля,
Кружевная,
Расписная,
Безмятежная земля.
Колокольный перезвон,
Образа святых икон.

А на Руси моей всегда
Бьёт родниковая вода.
Бьёт ключ живой из-под земли.
Прохожий, жажду утоли.
Колёса вязнут у машин.
Взревел ЗИЛ, сильно накреняясь,
И из-под старых стёртых шин
Вдоль колеи ложиться грязь.

Встану я под образа
Подниму я вверх глаза:
Много горя на Руси
Сохрани её, спаси.
Помолюсь среди икон,
Поклонюсь и выйду вон.

А на Руси моей всегда
То половодье, то метель,
То поднимается вода,
То гололёд, то оттепель.
То птицы вольные летят
На юг осеннюю порой,
Но возвращаются назад —
Их ждёт и манит край родной.

Выйду в поле на заре:
Храм Господень на горе.
Молча Богу помолюсь,
До земли я поклонюсь.
Ввысь уходят купола,

И звонят колокола.

1997г.

Знамение

Сомнения – прочь, безверье – прочь,
Ведь вера божия бездонна!
И как-то раз на землю в ночь
Явилась Белая Мадонна.
Кругом – одни конвейера,
Вдаль убегает автостелла.
И только девушка одна
Мессию светлую узрела.

На километры – ни души.
Мадонна, ликом к домне встав,
Взмолилась вдруг в ночной тиши,
Ладони к печи распластав.
И вот растаяла, пропала
Мадонна Белая в ночи.
Напрасно девушка кричала,
Не докричишься. Не кричи.

Тая в себе огромный, мощный
Энергетический запас,
Та доменная печь под утро,
С восходом солнца, взорвалась.
Всех под собою погребла,
Не пощадила никого.
И тонны хлынули металла —
Не защититься от него!

О, вещее знаменье свыше!
А ведь не зря в столь поздний час
Сама бессмертная богиня
Предупредить решила нас?!
И та, узревшая виденье,
Смотревшая Мадонне вслед,
Всё рассказала. Только люди
Сочли её рассказ за бред...

1996 – 1997₂₂

Град белокаменный

Вдоль по берегу быстрой реченьки
Буйну голову несли плеченьки.
Раззудись плечо, с силы тягостно,
Зная, что почём – жизнь безрадостна.

По течению или против ли
Паруса несли мимо отмели.
Вижу – град большой белокаменный.
Правил я хмельной, неприкаянный.

Правил я хмельной и доправился.
И с пустой сумой я направился
Погулять, попить, от безделия,
Хоть чуть-чуть продлить хмель, веселие.

А народец тут сплошь отзывчивый,
Сплошь приветливый да улыбчивый.
Приютят тебя, угостят вином:
Вон, хозяйюшка приглашает в дом.

А над городом сто веков подряд
Сизокрылые голуби парят.
Колокольный звон всюду стелется.
Богу молится красна девица.

Обернулася: столь робка, проста.
Улыбнулася мне девчина та,
Белу шаль сняла, а над головой
Воссиял тотчас яркий нимб святой.

Я спросил: «Ты кто?». Не ответила,
Словом ласковым не приветила.
Строгий взор пронзал хуже остря,
В кулаке сжимал крест нательный я.

Я стоял пред ней без вина хмельной!
По глазам она провела рукой,
И виденье вдруг испарилось.
Пред глазами всё изменилось.

Хмарь над городом третий год подряд,
Аж, озноб пробрал от души до пят.
Там убогие унижались,
Чёрны вороны раскричались.

Третий год едят хлеб да без соли.
Вдоль дороги в ряд честных вешали.
Там кругом – бардак, бестолковщина,
Там в чести – дурак, поножовщина.

И распятый мне указал перстом,
Убирайся, мол, отыщи свой дом.
И помчался я проулками тёмными
От душ с лицами искажёнными.

Ох, не помню я, как и добежал
И без сил почти в лодку я упал.
Толь под парусом, толь на вёслах ли
Я умчался прочь мимо отмели.

Отдышался я, успокоился.
Может быть, я зря беспокоился?
Может, это – ложь, сновидение
Или разума помутнение?

Может, вещий знак послан был судьбой?
Может, я не так путь влачил земной?
Тяжкий крест тащу на плечах своих
И ответ ищу я в сердцах людских...

13.04.1998г.

Беспризорник

Бычок из кармана беру.
В вагон, не имея билет.
Живу я немного в миру,
Но я повидал белый свет.
Кругом – шум, бардак, толчея
И сотни бессмысленных слов,
А я (не поверите!), я
Живу в мире собственных снов.

Закрою глаза и вижу опять,
Что живы отец и мать.
Скатилась слеза, и вот я опять
О доме начну мечтать.
Укрылась душа за шторами век —
Не нужен я здесь никому.
Но я ведь такой же, как вы, человек,
Чем хуже я вас, не пойму?

Усталый кондуктор бредёт —
Залезу в багажный отсек.
Авось, и теперь пронесёт.
И снова за шторами век,
Как в радужном солнечном сне,
Являются мне сквозь года
Те лица, что дороги мне,
Что я потерял навсегда.

Вот старший братишка, что был осуждён
По сто второй, мокрой, статье.
Вот батя сжимает свой аккордеон,
И мать улыбается мне.
А вот мой приятель гитару берёт,
О, где ж ты теперь, мой друг?
И нашу любимую песню поёт,
Но вновь замыкается круг...

Спецприёмники и детдома,
И тысячи вёрст за спиной.
О, чёрт, не сойти бы с ума
От жизни паскудной такой!
И я открываю глаза:
Кондуктор ушёл – повезло.
А там вновь бушует гроза
И дождь барабанит в стекло.

Эх, было бы можно вернуться туда
В безумном кружении лет,
Вернуть незабвенные эти года.
О, дайте обратный билет!
Но нету возврата: лишь только вперёд
Жизнь, как скорый поезд, летит.
Ни как не замедлить стремительный ход?!
Лишь поезд по рельсам стучит...

8.05.1998г.

Горит огонь

Горит огонь моей души
Гасить его ты не спеши.
Я не боюсь испить до дна
Бокал любви, бокал вина.

Но я боюсь очей твоих:
Живой огонь пылает в них.
И я, смеясь, иду на дно
В бокале – яд, а не вино.

О, жгучий взгляд твоих очей,
Так плавит воск огонь свечей.
А я в руке бокал держу,
Допить его я не спешу.

Но сгорает воск свечей
В самой тёмной из ночей.
Пляшут тени,
И оркестр играть устал,
И окончен этот бал.
Без сомнений
Повернуть бы время вспять.
Нам не хочется опять
Расставаться.
Разорвать бы этот круг.
Не поднять уставших рук,
Не подняться.

5.06.1998г.

Ожидание

Волки воют за окошком
Да снежинок канитель.
По заснеженным дорожкам
Вьётся белая метель.
Ты скачи скорее, милый,
Ведь дорога далека.
Конь буланый, златогривый
Мчит лихого седока.

Ты домчи его скорее
Да в дороге сбереги.
Нет в миру его милее,
Нет нежней его руки.
Может стать, ясный сокол
По дороге заплутал?
Хоть бы на небе высоком
Светлый месяц воссиял.

Ты лучом своим дорожку
Освети ему во тьме.
Пусть хотя бы на немножко
Возвратится он ко мне.
Я теплом его согрею,
Я прижмусь к его груди,
А на утро не посмею
Запретить ему уйти.

Жду с минутки на минутку
Постучит милёнок в дверь.
Я волнуясь не на шутку —
Я верна тебе, поверь.
Так девица ожидает
И глядит, глядит в окно,
А жених её гуляет,
Ускакал к другой давно.

14.06.1998г.

Жеребёнок

(А. Я. Розенбауму)

Пока подковы не сковали ноги,
Пока ещё твои движенья быстры,
Ты лети вдоль столбовой дороги,
Чтоб из-под каждого копыта искры.
Покуда сбруя не сковала тело,
Пока хомут тебе не давит шею,
Ты лети, чтобы земля горела,
Ясным соколом лети над нею.

А чуть позже, когда взрослым станешь,
То тогда уж будет думать поздно.
И слова мои тогда помянешь,
И задумаешься вдруг серьёзно.

В день, когда тебя ремнями стянут,
Ты кусаться будешь и брыкаться.
Но они тебя неволить станут —
Бесполезно, брат, сопротивляться.
И меня, брат, раньше тоже били,
И я сбросить седока пытался.
«Зря мы кормим его», — говорили.
Я не выдержал потом — сломался.

Вот такая уж, брат, наша доля,
Повелось уж так, браток, от века:
Человеком правит Божья воля,
А конями воля человека!

И хомут на шею мне одели —
За спиной тяжёлая телега.
Над спиной моею плётки пели,
Задыхался я, хрипел от бега.
Я таскал, брат, и обоз, и плуги.
Матерился громко старый пахарь.
Задыхался и хрипел с натуги.
В благодарность плетъ и реже — сахар.

Говорил мне мой отец, вздыхая,
Ну, а я ему, малец, не верил:
«Благодарность такова людская,
На себе я уж её проверил».

Я уж стар, а ты, братишка, молод —

И тебе суют порой конфеты.
Ну, а мне сквозит могильный холод,
А меня порубят на котлеты.
Так что, парень, жизнью наслаждайся:
Юность очень, братец, быстротечна.
Кувейкайся да в пыли валяйся!
Я завидую тебе, конечно».

Так вещал младому жеребёнку
Конь с глазами, полными слезами.
Но такого не понять ребёнку.
Всё поймут они с годами сами...

Пока подковы не сковали ноги,
Пока ещё твои движенья быстры,
Ты лети вдоль столбовой дороги,
Чтоб из-под каждого копыта искры.

10. 07. 1998г.

Перелётные птицы

Перелётные птицы
Великой страны
Вновь улетают на запад,
Только снова о доме
Им снятся там сны
И цветущих полей запах.

Говорят, за синим морем
Жизнь богаче, чем у нас,
Но и там хлебают горе.
Говорю вам без прикрас.
Так зачем туда летите?
Словно птицы, вы вольны.
Словно крысы, вы бежите
От сумы и от тюрьмы.

Всё! Довольно на полати,
На печи ли горевать!
Слышишь, Ваня Русский, хватит
На кровати почивать!
Ну-ка, Ванька, ну-ка, встань-ка,
Со страны смети гнильё!
Уж, кружится, слышишь, Ванька,
Над страною вороньё?!
Только Русский наш Ванюша,
Он и усом не ведёт.
Всё томит святую душу,
На печи лежит поёт.
Всё готов пропить: и шапку,
И рубашечку с плеча.
И, схватив гармонь в охапку,
Рвёт трёхрядку сгоряча.

Но коней своих седлают
Все сейчас, кому ни лень.
И Россию раздирают,
Словно старенький плетень.
Покупайте! Торопитесь!
Да не прячьте вы глаза,
За ценою не скупитесь!
Вот – картины, образа!
Вот вам русская культура
На тарелочке с каймой —
Забугорною халтурой
Заполняем рынок свой.

Спустим всё за миллионы
Иноземным господам.
Оттого ревут иконы
По российским деревням.

Что ж ты сиднем сидишь, Иван,
Разоряют твою страну?!
Но, когда опустеет стакан,
Ты осознаешь свою вину.
Побредёшь по траве босиком,
Больше нечего будет делить.
И с дырявым пустым мешком
Будешь милостыню просить.

1.08.1998г.

Палач и кандалный

*Да простятся долги наши, яко же и мы прощаем должникам
нашим.*

И возлюби врагов своих, как самого себя.

Однажды в сыром тюремном подвале,
Куда даже крысы бояться ходить,
Случилась беседа, какую едва ли
Когда-либо можно ещё повторить.

Беседовали узник с палачом:
«Тебя казню я утром, на рассвете.
Тут личная обида ни при чём:
У палачей ведь, братец, тоже дети!
Нелёгкая работа, старина,
У палача – карающей десницы,
Когда идёт жестокая война
И часто переполнены темницы.

Ну, да что там говорить, не серчай.
Сядь со мною, будем пить, наливай.
А работа мне моя (вот уж здесь!)
Надоела, что хоть сам в петлю лезь!

Но палачи нужны, однако, миру,
Хотя работа наша и трудна.
А ну, поэт, схвати в охапку лиру,
Поплачь о палаче его струна!

Эх, зря все ненавидят палача:
Мы очень скромный, в сущности, народ.
Не прём рубить по-глупому, с плеча,
Совсем не злые, а – наоборот.
Мы душу вкладываем в наше ремесло.
Свою работу честно выполняем.
Тебе, приятель, просто повезло:
Мы своего клиента уважаем.

Не какой-то я там дилетант:
У меня к работе этой талант.
Гильотины – это всё ерунда,
А палач – специалист. Это да.

Он пациента словом ласковым согреет,
Весь инструмент как следует протрёт.
Он покривить душою не посмеет

И не спеша пытаться тебя начнёт.

О да, приходится мне узников пытать.
И тут, приятель, не до альтруизма.
Есть шанс своё искусство показать:
Высокий класс профессионализма.
Все инструменты строго по местам,
Привяжешь пациента к спинкам койки.
Ну, а они харкают в рожу нам!
И говорят порой, что мы жестоки.

А намыливать тугую петлю
Я, признаться, и сам не терплю.
И порой жалею, что короли
Не в тугой петле покой обрели.

Не благодарна, брат, у нас работа:
Ни почестей тебе, ни похвалы.
Глазам толпы доступен с эшафота,
И никуда не деться от хулы».

Палач наш, чуть не плача, говорит:
«Нет справедливости, и жизнь как страшный сон!
Почти всегда бывает знаменит,
Не кто казнил, а тот лишь, кто казнён!
Всю жизнь со смертью я плечом к плечу,
Хоть сам на плаху падай головой.
Существование жалкое влачу
И из запоя вновь иду в запой!»

И, когда он во хмелю засыпал,
Всё равно сквозь пьяный сон бормотал:
«Будет боль нестерпима – поплачь».
«Спи спокойно, мой милый палач.

Я все пытки твои без наркоза,
Как награду, спокойно приму.
Дай мне яда смертельную дозу
И терзать мою плоть ни к чему».

Так пили однажды палач и кандалный,
Сидели, по-братски обнявшись, вдвоём.
Конец той истории, в общем, фатальный,
Но узник в тот вечер не думал о том.

11.08.1998г.

Дорожная

Шум и толчея перрона.
Холод. Утренний туман.
Свет плацкартного вагона.
Чая крепкого стакан.
За окошком пролетают
Фонари. Как много их!
В путь неблизкий провожают
Люди близких и родных.

На земле нет лучше места,
Чем родная сторона.
Там, где ждёт тебя невеста
Или верная жена.
Скорый поезд мчится, мчится,
И меня уносит вдаль.
Память вновь ко мне стучится —
Прошлого немножко жаль.

Там картишки взяли в руки,
Здесь – приёмник для души.
Куртки, пиджаки и брюки
Обсуждают торгаши.
Кто постели покупает,
Кто-то рвётся в туалет,
Кто в одежде засыпает:
Денег на постели нет.
Кто печалится устало —
Прошлого растаял след.
Рельсы вдаль бегут по шпалам,
И в вагоне гасят свет.

29.08.1998г.

Скорый поезд

Зачем покинул отчий дом?
Зачем опять куда-то еду?
Зачем я мчу по белу свету,
Вздыхая в тамбуре пустом?
В вагоне нет свободных мест.
И так вся жизнь летит по кругу.
И, словно преданному другу,
Мне руку тянет машинист.

А скорый поезд всё летит,
И все уснули до рассвета,
Лишь проводник седой смолит.
За сигаретой, сигарета.
А скорый поезд мчится вдаль,
Вперёд летит неумолимо.
Так пролетают годы мимо —
Лишь на душе тоска, печаль.

Давно он дома не бывал,
Ведь отчий дом всегда милее.
Но стук колёс теперь роднее,
И скорый поезд домом стал.
Так непривычна тишина,
Тепло домашнего уюта.
За сотни вёрст, вдали отсюда
Там где-то дети и жена.

Но скорый поезд всё летит.
Всё дальше, дальше край родимый.
И проводник, судьбой гонимый,
В вагоне курит и грустит.
А скорый поезд день за днём
Всегда спешит, куда-то мчится —
И проводник, и проводница
Вновь покидают отчий дом.

Мелькают сёла, города.
Он повидал уж их немало.
И начинается с вокзала
Нормальный город завсегда.
Коль городишко небольшой,
То и вокзал обычно скромный,
Зато красивый и огромный,
Коль город – центр областной.

А скорый поезд всё стучит,
Всё в города летит большие.
Но сердцу все они – чужие,
И сердце стонет и болит.
А скорый поезд всё равно
Летит и ходу не сбавляет,
Лишь проводник с тоской взирает
В полуоткрытое окно.

И лишь по рельсам дробный стук.
В вагонном тамбуре прохлада.
А больше – ничего не надо,
Но, наконец-то, всё же вдруг
Блеснет вдали родной перрон —
Усталый поезд ход сбавляет,
Гудок протяжный выпускает.
И остановится вагон...

12.09.1998г.

Коммунальная квартира

Коммунальная квартира —
Это словно теремок:
Там от кухни до сортира
Слышен топот чьих-то ног.
Там лягушка, там квакушка
Восседает у окна
(то беззубая старушка,
Дяди Витина жена).
Дядя Витя – наш герой,
У него губа с дырой,
Месяцами не выходит
Из запоя, боже мой!
Где же взять здоровья столько,
Чтоб такое учудить:
Целый месяц чтобы только
Беспробудно водку пить?!
Там, направо, Василиса,
Слева – Ванька-дурачок.
Да, жена его актриса,
Но Ванюше невдомёк.
Он – олень златые роги,
Ведь евонная жена
Отдавалась очень многим,
И супругу не верна.
Был у нас Кощей бессмертный,
Не любил он детвору
(Сам он тоже был бездетный).
Съездил на теле игру,
Там он выиграл машину —
Он у нас везунчик был —
Жалко, скоро мир покинул,
Полмашины не пропил.
Есть там скатерть-самобранка
У соседа одного,
Ведь жена – официантка,
Понимаешь, брат, чего?
Доставал он нам, что хочешь,
Он имел авторитет.
А теперь над ним хохочешь
Дефицита нынче нет!
Деньги б были —
Всё б купили,
Только где же денег взять?
На работе уж забыли,
Как зарплату выдавать.

В магазине, как в музее,
Пред кусачею ценой
Постояли, поглазели
И пошли ни с чем домой.
Там за стеночкой ютится
Одинокая вдова.
Слышь, сама императрица
Знать при ней была жива!
Ей годков, наверно, двести
Или более чуть-чуть.
Всё молчит, сидит на месте,
Собираясь в смертный путь.
Так у этой вот старушки,
Где-то на лесной опушке
Златы ядра от царь-пушки
При царе запрятал зять.
Мы, конечно, всё изрыли,
Все болота исходили,
Только золотые ядра
Не могли никак сыскать.
Может, это всё, конечно,
Абсолютная брехня.
На планете всё не вечно.
Что ж касается меня:
Так я этому не верю.
Если б были ядра те,
Их давно бы уж пропили
По Российской простоте.
Ведь пропили же Аляску,
Прогуляли руднички,
Закатили свистопляску
Эскимосы-дурачки.
Чукчи нынче на Чукотке
Им завидуют теперь,
Хоть у них там больше водки
И крупнее дикий зверь.
Чу, поэт опять кропает
Захудалые стишки,
А Федот опять таскает
Здоровенные мешки.
Он картошечку ворует
На колхозных на полях.
После ею же торгует,
За неё берёт в рублях.
Вроде, мы живём в России,
Только доллары в руке.
Рассуждаем о насилье
На английском языке,
А свою родну валюту,

Равно как и свой язык,
Не колеблясь ни минуту
Забываем в тот же миг.
Там скрипач за стенкой, стерва,
Мозги сверлит каждый день!
А к соседке, что налево,
Ходят все, кому ни лень.
Там на кухне раздаётся
Трёхэтажный громкий мат,
А Федот, когда напьётся,
Шарит девок, всех подряд.
Слышь, приятель, не стесняйся,
Заходи на огонёк.
За столом располагайся,
Пей из блюдечка чаёк.
Правда, здесь удобств немного,
Здесь народу до хрена:
Тридцать комнаток убогих,
А уборная одна...

11.02.1999г.

Кони понесли

По бескрайнему русскому полю,
Там, где песни поют соловьи,
Гулевали привольные кони
По раздолию русской земли.
Конь летит, конь летит, златогривый,
А за ним кобылица спешит.
Впереди – жеребёнок игривый,
Только пыль из-под резвых копыт.

Но коней, но коней схомутали
В том семнадцатом, смутном году
Но коней, но коней оседлали
Величавой стране на беду.
Запылали российские хаты,
Обагрились кровью поля.
Полетели кровавые даты,
Застонала родная земля.

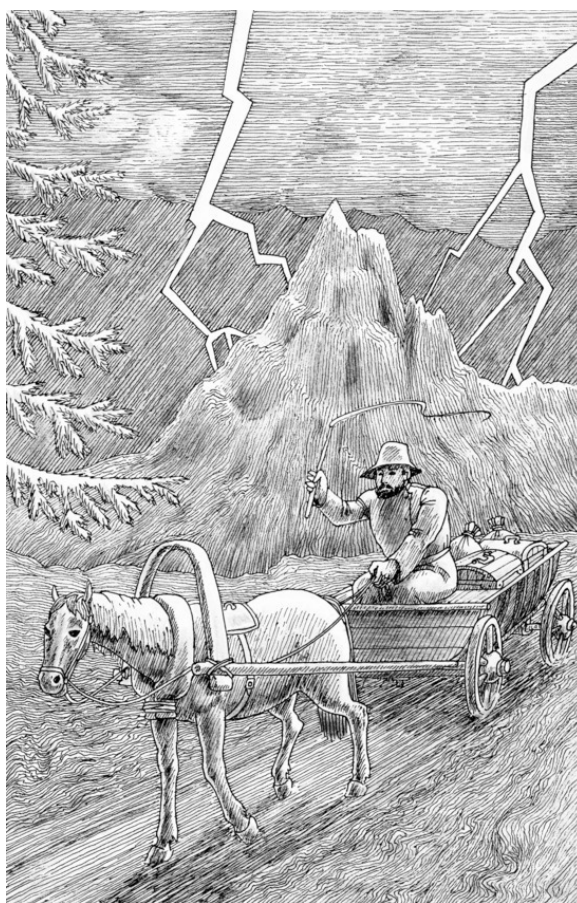
И кони, кони, кони, понесли,
Понесли по сжатой целине.
Где же ты, родимый край земли,
Навсегда сгоревший в той войне?
Навсегда сгоревший в той войне.

Опустила страну на колени
Стая чёрных крикливых ворон.
Одержимый идеею, гений
Тут же занял пустующий трон.
Полетели святыя знамёна
В беспощадное жерло костров,
Затрещали в тоске изумлённо
Шеи русских золотых куполов.

И кони, кони, кони, понесли,
Понесли по сжатой целине.
Где же ты, родимый край земли,
Навсегда сгоревший в той войне?
Навсегда сгоревший в той войне.

По бескрайнему русскому полю,
Там, где песни поют соловьи,
Гулевали привольные кони
По раздолию русской земли.

10.04.1999г.

Странная сказка

Жили не тужили,
Горя горького не знали.
Песен множество сложили,
Торговали да гуляли.
Бед не ведали, покуда
Не случилось, наконец,
То единственное чудо:
Полюбил Фома-кузнец.

А в тридесятом царстве барску дочку
Да возлюбил весной Фома-кузнец.
И ясный месяц ярче светит ночью
От теплоты пылающих сердец.

Вешались, сражались,
Хоронили, убивали.
За полушку медну дрались,
Воровали, предавали
И не ведали, откуда,
Строя счастье на крови,
То единственное чудо
Той единственной любви.

А в тридесятом том далёком царстве
Росла любовь девицы с кузнецом.
А в тридесятом царстве-государстве
Её отец был редкостным скупцом.

В никуда из неоткуда
Мимо ехал молодец.
То единственное чудо
Увидал один купец.
И посватался к невесте
Он на ранней – на заре
В русской тройке, честь по чести,
На забаву детворе.

А в тридесятом царстве свою дочку,
Да за купца отдал скупой отец.
А в тридесятом царстве в одиночку
Да от тоски повесился кузнец.

17.04.1999г

Баллада о совести

Святая совесть по миру гуляла.
Святая совесть в душах жила.
Скупая зависть за нею слонялась.
Скупая зависть души жгла.

А совесть пела, а совесть плясала.
Как были души у нас чисты!
Корысть хрипела и алчность стонала,
И ложь сжигала назад мосты...

И век от веку, и год от году
Всё меньше места в душе у нас
Добру и свету, любви, покою,
Лишь зависть гложет, ложь тешит глаз.

И совесть били, в лицо плевали,
Собак спустили с цепей затем.
И заклеями, и оболгали,
Потом забыли её совсем.

И лишь поэты, безумцы, пророки
Лелеют совесть в душе подчас.
И воспевают её уроки,
Доносят голос её до нас...

11.06.1999г.

О подводниках

Семь футов под килем тому,
Кто в чистое море плывёт.
Семь футов под килем тому,
Кто ищет свой берег.
Семь футов под килем тому,
Кто ищет и всё же найдёт.
Семь футов под килем тому
Кто любит и верит.

Уходят в свой рейс корабли.
Гудок издаёт теплоход.
Подальше от милой земли,
В открытое море.
Но, где бы они ни брели,
Их встретит приветливый порт.
Как вольные птицы, они
Парят на просторе.

Подводникам вдвое сложнее
Нести свою службу всегда.
Уходим в пучину морей,
Как в сказку и небыль.
Мы словно среди двух огней:
И сверху, и снизу – вода.
И нет ни ночей и ни дней,
Ни солнца, ни неба...

Ломая арктический лёд,
Всплываем из недр океана.
Вперёд субмарина идёт
К таинственной цели.
Арктический ветер ревёт,
Но, как от хмельного дурмана,
От свежего воздуха мы
Уже опьянели...

Семь футов под килем тому,
Кто в чистое море плывёт.
Семь футов под килем тому,
Кто верит и ждёт...

15.06.1999₂

До свидания, мама, прости...

До свидания, мама, прости,
Но иначе и быть не могло.
Эшелон был расстрелян в пути,
И водила уткнулся в стекло.
Мы лишь двое остались в живых.
Искорёженный взрывом КАМАЗ
Придавил двух парней молодых,
Став надёжной могилой для нас.

Лучше б сразу нам было сгореть,
Чтоб огонь уничтожил тела.
Лучше б было мне с ним умереть,
Только смерть стороной обошла.
И мы корчились в алой крови
В этих проклятых Богом горах,
Где на помощь, зови, не зови,
Не придёт кровожадный Аллах.

Смех и громкие крики врагов,
Что толпой обступили КАМАЗ.
Кто-то, щёлкнул застёжкой штанов
И смеясь, помочился на нас.
Нам хамили, плевали в глаза,
Рвали душу, грозили ножом,
И катилась сырая слеза.
Я лежал с окровавленным ртом.

Мы друг другу смотрели в лицо,
Понимая, уже не спастись.
Он чеку потянул за кольцо,
Обрывая короткую жизнь.
Озарилось ущелье огнём,
И мы вечный покой обрели,
А над нами в тот миг косяком
Улетали домой журавли...

3.09.1999г.

«Под нож, на стол ...»

Под нож, на стол —
Разряд, укол.
Живуч, как пёс,
В себя пришёл!
Я видел стены и врачей,
Я видел ангелов, чертей,
И черти звали за собой,
А ангелы молчали.
Так вроде я ещё живой,
Похоже откачали...

Я стал молиться наугад,
Язык мой заплетался,
Не надо в ад, не надо в ад!
В кровать всем телом вжался.
В углу уж смерть, в руке игла,
Дрожу всем телом мелко,
Но то совсем не смерть была,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.